Троцкий

Что и как произошло.

Париж, 1929.

КУЛ—Библиотека
ЦР
Т 889

Л. Д. ТРОЦКИЙ

ЧТО И КАК ПРОИЗОШЛО?

ПАРИЖ
1929

Ц,Р
Т889

Л. Д. ТРОЦКИЙ

ЧТО И КАК ПРОИЗОШЛО?

ШЕСТЬ СТАТЕЙ

ДЛЯ МИРОВОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

ПАРИЖ

1929

ЦР
Т 889
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1088793

Copyright by the Editor H. Vilain
7, Rue Ruhmkorff, Paris

(043
29)
~~205~~
~~236~~ с1.
~~сор~~
~~23000~~
2012

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Собранные в этой книжке статьи были написаны Л. Д. ТРОЦКИМ для мировой буржуазной печати. Цель этих статей, как ясно из их содержания, состояла в том, чтобы на место лжи, сенсации и клеветы поставить правду. Пуская в мировое обращение легенду о контр-революционном заговоре «троцкистов» против Советской власти, Сталин оказывал величайшую услугу подлинной контр-революции за счет основных интересов Советской республики. Опровергнуть эту легенду необходимо было прежде всего в интересах СССР. Статьи Л. Д. ТРОЦКОГО были прочитаны десятками миллионов читателей во всем мире и тем выполнили свое назначение. Тысячи и тысячи рабочих захотят узнать подлинную правду об «оппозиции».

Гонорар, уплаченный газетным агентством за эти статьи, целиком внесен в особый фонд, предназначенный для издания статей, речей и писем Ленина, запрещенных Сталиным в СССР., и важнейших документов ВКП, скрываемых от партии в интересах Сталина и его фракции.

В приложении мы печатаем: 1) Письмо Л. Д. ТРОЦКОГО Центральному Комитету ВКП и Президиуму ИККИ от 16 декабря 1928 г. 2) Резолюцию по поводу «сотрудничества» в буржуазной печати, опубликованную в органе французской коммунистической оппозиции «Contre le Courant» № 25-26. (8, Bd de Vaugirard, Paris). 3) «Письмо рабочимъ СССР» Л. Д. Троцкого от 27 марта 1929 г.

C'EST LA MARCHE DES EVENEMENTS.

(«ТАКОВ ХОД СОБЫТИЙ»)

Сенсация есть неизбежная тень политики. Вокруг вопроса о моей высылке эта тень приняла, однако, слишком чудовищные размеры. Между тем политика, направленная на большие цели, враждебна сенсации. Цель настоящих строк не служить сенсации, а, наоборот, вырвать из под нее почву, дав общественному мнению об'ективную информацию, — насколько об'ективность вообще осуществима в политической борьбе.

Чтобы сразу обломать острие сенсации, скажем с первых строк то, в чем сколько-нибудь осведомленные читатели, надо думать, и не нуждаются, именно: наше отношение к Октябрьской революции, Советской власти, марксистской доктрине и большевизму остается неизменным. Исторический процесс мы не меряем коротким метром личной судьбы.

Правда, тот путь обращения к общественному мнению, на которой я здесь становлюсь, является исключительным с точки зрения методов, к

которым я привык в течении всей своей политической жизни. Но это вытекает из исключительности тех условий, в которые я сейчас поставлен. Вокруг моей личной судьбы наматывается лавина догадок, вымыслов и фантазий, к которым я отнесся бы с полным спокойствием, если бы они не задевали в то же время дело, которому я служил и служу. У меня нет оснований окутывать тайной мою личную судьбу, поскольку она так или иначе связана с интересами общего порядка. Наоборот, сейчас более чем когда либо я заинтересован в том, чтобы открыто сказать то, что есть — не только друзьям, но и врагам. Цель настоящих строк не пропаганда, а информация. Предварительное условие, какое я поставил агентству печати — это полная свобода моего изложения. Намеченные мною статьи печатаются так, как они написаны, — или не печатаются вовсе.

Эти строки пишутся в Константинополе, куда я был доставлен из Одессы на советском пароходе «Ильич» 12 февраля. Я не выбирал себе этого нового места жительства, вопреки утверждениям ряда газет. Мои ближайшие друзья в Германии и Франции были совершенно правы в своем предположении, что я доставлен в Турцию принудительно. Турецкому полицейскому офицеру, который явился в Биюк-Дере на пароход для проверки пассажиров — кроме моей семьи и агентов ГПУ на пароходе пассажиров не было — я передал для пересылки президенту турецкой республики Кемаль-паше следующее заявление.

Милостивый Государь.

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства.

Л. Троцкий.

12 февраля 1929 г.

Поскольку меня высылали из СССР — при решительных протестах с моей стороны — я, естественно, предпочел бы такую страну, язык, общественная жизнь и культура которой мне знакомы и близки. Но интересы высылаемого редко сходятся с интересами тех, которые высылают. Так, в 1916 г. правительство французской республики выслало меня принудительно в Испанию, языка которой я не знал. В свою очередь либеральное испанское правительство гр. Романонеса не дало мне времени изучить язык Сервантеса, поторопившись, без малейшего основания, арестовать меня и выслать по ту сторону океана. Еслибы злорадство было политическим чувством, можно было бы сказать, что я получил вскоре после того курьезное удовлетворение: радикальный министр внутренних дел г. Мальви, выславший меня из Франции, был вскоре сам выслан из Франции г-ом Клемансо. Более того. Начальник секретной полиции г. Биде-Фопа, на основе докладов которого я подвергся высылке из Франции, был сам в 1918 г. арестован в

России, где он секретно выполнял не вполне доброжелательную миссию. Доставленный ко мне в военный коммисариат, г. Биде на мой вопрос: как это случилось? ответил несколько расплывчатой, но превосходной в своем роде формулой: C'est la marche des événements!

Новая эпоха, наступившая вместе с последней войной, есть эпоха великих потрясений и крутых политических поворотов по преимуществу. Мы были, и еще долго будем, свидетелями многих неожиданностей, при столкновении с которыми не раз может пригодиться классическая формула полицейского философа: C'est la marche des événements! Не скрою, что и свою высылку из Советского Союза я не считаю последним словом истории. Речь, конечно, идет не о личной судьбе. Пути исторического реванша будут, конечно, извилисты. Но в школе исторического об'ективизма я учился брать те пути, какие ход развития предлагает.

Восстановим, однако, сперва факты, необходимые для понимания того, что произошло.

В январе 1928 г. XV с'езд коммунистической партии, в действительности с'езд чиновников фракции Сталина, исключил из партии оппозицию и санкционировал применение против нее государственных репрессий. Вскоре после того сосланы были многие сотни—теперь уже тысячи—представителей оппозиции в различные пункты Сибири и Центральной Азии. В их числе были: *Раковский*, бывший председатель Совета Народ-

ных Комисаров Украины и посол во Франции, у которого за спиной 40 лет борьбы в рядах рабочего класса во Франции, в Болгарии, Румынии и России; *Карл Радек*, один из наиболее выдающихся международных марксистских писателей; *И. Н. Смирнов*, бывший до момента ссылки народным комиссаром, один из старейших строителей партии; *Смилга*, одинъ изъ организаторов Октбярьской революции и красной армии; *Преображенский*, глубоко образованный экономист, финансовый эксперт во время переговоров с Францией; *Муралов* и *Мрачковский*, организаторы красной армии и маршалы революционной войны; *Белобородов*, народный комиссар внутренних дел до ссылки; *Сосновский*, блестящее публицистическое перо партии; *Каспарова*, руководительница работы партии и Коминтерна среди женщин Востока; *Богуславский*, бывший председатель «малого» Совнаркома и т. д.

Жизнь этих, как и десятков других оппозиционеров, которых я не называю, неразрывно связана с эпопеей трех революций: 1905 г., Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Личная судьба многих из них могла бы послужить темой для драмы большого стиля. Важнее, однако, политически тот неоспоримый факт, что заслуги сосланных перед Советской республикой неизмеримо выше, чем заслуги тех, которые их сослали.

Местом моей ссылки был назначен г. Алма-Ата, новая столица Казакстана, город малярии, землетрясений и наводнений, у подножья Тянь-шанских отрогов, в 250 километрах от железной до-

роги, четырех тысячах от Москвы. Здесь мы прожили с женой и сыном год, в обществе книг и природы, которая в этих местах подлинно прекрасна. Газеты и письма доходили в срок от двенадцати дней до месяца, двух и более, в зависимости от времени года и настроения московских учреждений.

Несмотря на то, что мы на каждом шагу натыкались на скрытых друзей, мы были совершенно изолированны от окружающего населения, ибо всякий пытавшийся войти в соприкосновение с нами, подвергался каре, иногда весьма суровой. Единственной связью нашей с внешним миром была охота, на которую мы с сыном выезжали в сопровождении агентов ГПУ и в течении недель жили в солончаковых степях жизнью кочевников, ночуя под открытым небом или в киргизских кибитках и передвигаясь на верблюдах. Этот край славится обилием коз, свиней, уток, гусей, фазанов и прочей дичи, но также змей, скорпионов и фаланг. В январе я получил телеграмму о появлении в 200 километрах от Алма-Аты трех тигров, поднявшихся вдоль реки Или с озера Балхаш. Мы размышляли с сыном, открывать ли войну — об'явив ее, разумеется, оборонительной, — или прикрыться пактом Келлога. Проницательные и опытные старые тигры — об этом надо бы справиться у г. Клемансо — должны относиться к пакту Келлога с полным сочувствием: ведь вопрос в конце концов разрешается силой когтей.

Не успели мы с сыном принять решение в от-

ношении балхашских хищников, как в судьбе нашей наступила новая перемена.

Началось с переписки. В течении первых 10 месяцев ссылки письма, хотя и контролировались, но доставлялись по назначению все же примерно в размере 50 проц. Переписка ссыльных получила широкий размах. Письма возростали нередко до размера политических трактатов, размножались, проникали в политические центры страны и заграницу, печатались и всячески распространялись. К концу октября прошлого года наступила резкая перемена. Наши связи с единомышленниками, друзьями, даже родными, сразу прекратились, письма и телеграммы совершенно перестали доходить. На московском телеграфе, как мы узнали собыми путями, скоплялись многие сотни адресованных мне телеграмм, особенно в дни годовщины Октябрьского переворота и в другие юбилеи революции. Кольцо вокруг нас сжималось все теснее. Нужно иметь в виду, что не только рядовая масса, но и чиновники-сталинцы с трудом переваривали расправу над деятелями Октябрьской революции. Их утешали сверху тем, что крутые меры обеспечат полное единомыслие внутри партии и возможность «спокойной» работы. Фракция Сталина рассчитывала или, по крайней мере, обещала, что ссылка руководителей оппозиции поставит крест на деятельности «троцкистов».

Но именно это не подтвердилось. Год после XV с'езда оказался наиболее беспокойным в жизни партии. В сущности только после XV

с'езда широкие круги партии и рабочего класса по настоящему заинтересовались происходившей наверху борьбой и поняли, что дело идет о глубоких принципиальных разногласиях, раз десятки, сотни и тысячи людей, известных всей стране или, по крайней мере, всей области, губернии, фабрике, идут во имя своих взглядов на исключение из партии и на ссылку. В течении 1928 г. оппозиция, несмотря на непрерывные репрессии, явно росла, особенно на крупных промышленных предприятиях. Это привело к усугублению репрессий и, в частности, к полному прекращению переписки ссыльных даже между собою. Мы ждали, что за этим последуют дальнейшие меры того же порядка, и мы не ошиблись.

16 декабря прибывший из Москвы специальный уполномоченный ГПУ передал мне от имени этого учреждения ультиматум: прекратить руководство борьбой оппозиции во избежание тех мер, которые должны будут полностью изолировать меня от политической жизни. Вопрос о высылке заграницу при этом не ставился, — речь, насколько я понимал, шла о мерах внутреннего порядка. Я ответил на этот «ультиматум» принципиальным письмом на имя ЦК партии и президиума Коминтерна. Считаю нужным привести здесь выдержки из этого письма:

...«Пред'явленное мне требование отказаться от политической деятельности означает требование отречения от борьбы за интересы международного пролетариата, которую я веду без перерыва

тридцать два года, т. е. в течении всей своей сознательной жизни. Попытка представить эту деятельность, как «контр-революционную», исходит от тех, которых я обвиняю пред лицом международного пролетариата в попрании основ учения Маркса и Ленина, в нарушении исторических интересов мировой революции, в разрыве с традициями и заветами Октября, в бессознательной, но тем более угрожающей подготовке Термидора».

Я опускаю следующий далее в документе перечень разногласий по основным внутренним и международным вопросам. Далее письмо гласит:

...«Период реакции может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР, в условиях наростающей реакции против Октября и, тем самым, расчистки путей для Термидора. Наиболее явным и законченным выражением этой реакции внутри партии является травля и организационный разгром левого крыла.

В своих последних попытках отпора открытым термидорианцам сталинская фракция живет «обломками» и «осколками» идей оппозиции. Творчески она бессильна. Борьба налево лишает ее всяческой устойчивости. Ее практическая политика не имеет стержня, фальшива, противоречива, ненадежна. Столь шумная кампания против правой опасности остается на три четверти показной и служит прежде всего для прикрытия пред массами подлинно истребительной войны против большевиков-ленинцев».

ВЫСЫЛКА.

Итак, на требование прекратить политическую деятельность я ответил, что пред'являть такое требование могут лишь безидейные чиновники, выполнять — лишь ренегаты. Вряд ли сами сталинцы ждали другого ответа. После этого прошел месяц без перемен. Связи наши с внешним миром были совершенно оборваны, в том числе и нелегальные связи, налаженные молодыми единомышленниками, которые, преодолевая величайшие трудности, правильно доставляли мне в Алма-Ата до конца 1928 г. обильную информацию из Москвы и других центров. В течении января мы получили только московские газеты. Чем больше в них писалось о борьбе против правых, тем увереннее мы ждали удара против левых. Это метод сталинской политики.

Московский посланец ГПУ Волынский оставался все время в Алма-Ата, ожидая инструкций. 20 января он явился ко мне в сопровождении многочисленных воруженных агентов ГПУ, занявших входы и выходы, и пред'явил мне нижеследующую выписку из протокола Особого Совещания при ГПУ от 18 января 1929 г.

«СЛУШАЛИ:

Дело гражданина Троцкого Льва Давыдовича по ст. 58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контр-революционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной анти-советской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию анти-советских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти.

ПОСТАНОВИЛИ:

Гражданина ТРОЦКОГО Льва Давыдовича — выслать из пределов СССР».

Когда от меня потребовали росписки в ознакомлении с этим постановлением, я написал: «преступное по существу и беззаконное по форме постановление ГПУ мне об'явлено 20 января 1929 г. Троцкий.»

Я назвал постановление преступным, потому что оно заведомо ложно говорит о подготовке мною вооруженной борьбы против Советской власти. Эта формула, нужная Сталину, чтоб оправдать высылку, уже сама по себе представляет наиболее злостный подкоп под Советскую власть. Ибо еслибы было верно, что оппозиция, руководимая организаторами Октябрьской революции, строителями Советской республики и красной армии подготовляет вооруженное ниспровержение Советской власти, это само по себе означало бы катастрофическое положение в стране. В этом случае даже наиболее благожелательное контрагенты из буржуазного мира должны были бы ска-

БИБЛИОТЕКА
Ин-та истории партии при ЦК КПСС

зать себе: «не будем спешить с экономическими связями, подождем исхода вооруженной борьбы». Но, к счастью, формула ГПУ представляет собой наглое полицейское измышление. Политика оппозиции не имеет ничего общего с подготовкой вооруженной борьбы. Мы исходим полностью из убеждения в глубокой жизненности и эластичности советского режима. Наш путь есть путь внутренней реформы. Я пользуюсь настоящим случаем, чтобы заявить об этом на весь мир и тем хоть отчасти оградить интересы Советской республики от того удара, который наносит им продиктованная Сталиным и ложная насквозь формула ГПУ. Как ни велики сейчас внутренние трудности Советской республики, вытекающие не только из об'ективной обстановки, но и из беспомощной политики зигзагов, жестоко просчитаются и на этот раз все те, которые снова станут выжидать близкого падения Советской власти.

Мистер Остин Чемберлен, повидимому, не питает таких иллюзий. Его критерии имеют более практический характер. Если верить настойчивым сообщениям печати, в частности американской Nation, мистер Чемберлен высказывался в том смысле, что правильные отношения с Советским Союзом станут вполне возможны на другой день после того, как Троцкого поставят к стенке. Эта лапидарная формула делает честь темпераменту консервативного министра, который об американском военном флоте разговаривает, впрочем, гораздо более вегетарианским языком. Хотя я и не имею никаких дипломати-

ческих полномочий, все же в интересах дела (отчасти и в своих собственных) я осмелился бы посоветовать британскому министру иностранных дел не настаивать на своем требовании текстуально. Сталин достаточно обнаружил свою готовность идти навстречу пожеланиям г. Чемберлена, выслав меня из Советского Союза. Если он не сделал больше, то никак не по отсутствию доброй воли. Было б слишком неразумно наказывать за это советское хозяйство и британскую промышленность. Позволяю себе сверх того напомнить, что международные отношения основаны на принципе взаимности. Но я не хочу настаивать дальше на этой неприятной теме.

Постановление ГПУ я назвал в своей росписке не только преступным по существу, но и беззаконным по форме. Я хотел этим сказать, что ГПУ может предложить выехать за-границу под угрозой тех или иных внутренних кар, но оно не может выслать за-границу, ибо для этого требуется согласие высылаемого. На требование сообщить, как и куда меня собираются высылать, я получил ответ, что об этом мне будет сообщено в пределах Европейской России представителем ГПУ, который выедет навстречу. В течение следующего дня шла лихорадочная работа по паковке вещей, почти исключительно рукописей и книг. Два пойнтера с тревогой наблюдали обилие в тихой квартире шумных чужих людей. Отмечу мимоходом, что со стороны агентов ГПУ не было и тени враждебности. Совсем наоборот. 22-го на рассвете мы уселись с женой, сыном и конвоем

в автобус, который по гладко укатанной снежной дороге довез нас до горного перевала Курдай. На перевале были снежные заносы, сильно мело. Могучий трактор, который должен был пробуксировать нас через Курдай, сам увяз по горло в сугробах вместе с семью автомобилями, которые тащил. Во время заносов на перевале замерзло семь человек и не малое число лошадей. Пришлось перегружаться в дровни. Свыше семи часовъ понадобилось, чтобы оставить позади около 30 километров. Вдоль занесенного снегом пути разбросано много саней с поднятыми вверх оглоблями, много грузу для строющейся туркестано-сибирской дороги, много баков с керосином, занесенных снегом. Люди и лошади укрылись от метелей в ближайших киргизских зимовках. За перевалом снова автомобиль, а в Пишпеке (Фрунзе) вагон железной дороги. Идущие навстречу московские газеты свидетельствуют о подготовке общественного мнения к высылке руководителей оппозиции за-границу. В районе Актюбинска сообщение по прямому проводу, что местом высылки назначен Константинополь. Я требую свидания с двумя московскими членами семьи. Их доставляют на станцию Ряжск, и они подпадают под общий режим с нами. Новый представитель ГПУ Буланов убеждает меня в преимуществах Константинополя. Я категорически отказываюь. Переговоры Буланова по прямому проводу с Москвой. Там предвидели все, кроме препятствий, возникших из моего отказа ехать добровольно за-границу. Сбитый с

направления поезд наш вяло передвигается по пути, затем останавливается на глухой ветке подле мертвого полустанка и замирает там меж двух полос мелколесья. Так проходит день за днем. Число консервных жестянок вокруг поезда растет. Вороны и сороки собираются все большими стаями на поживу. Зайцев здесь нет: осенью их скосила грозная эпидемия. Зато лисица проложила ночью свой след к нашему поезду. Паровоз с вагоном ежедневно уходит на крупную станцию за обедом. В вагоне у нас грипп. Мы перечитываем Анатоля Франса и курс русской истории Ключевского. Мороз достигает 38° по Реомюру, наш паровоз прогуливается по рельсам чтоб не застыть. В эфире перекликаются радио-станции и спрашивают, где мы. Мы не слышим этих вопросов, мы играем в шахматы. Но еслибы и услышали, все равно не сумели бы ответить: завезенные сюда ночью, мы сами не знаем, где мы, — где то в Курской губернии.

Так проходит двенадцать дней и двенадцать ночей. Здесь узнали мы о новом аресте нескольких сот человек, в том числе 150 человек так называемого «троцкистского центра». Опубликованы имена *Кавтарадзе*, бывшего председателя совнаркома Грузии, *Мдивани*, бывшего торгпреда СССР в Париже, *Воронского*, лучшего литературного критика партии, *Дробниса*, одной из наиболее героических фигур украинской революции и др. Все это коренные деятели партии, организаторы Октябрьского переворота.

8 февраля Буланов заявляет: несмотря на все

настояния со стороны Москвы, немецкое правительство категорически отказалось допустить вас в Германию; мне дан окончательный приказ доставить вас в Константинополь. — Но я добровольно не поеду и заявлю об этом на турецкой границе. — Это не изменит дела, вы все равно будете доставлены в Турцию. — Значитъ у вас сделка с турецкой полицией о принудительном вселении меня в Турцию? — Этого мы не знаем, мы только исполнители.

После двенадцати суток стоянки вагон приходит в движение. Наш маленький поезд возростает, так как возростает конвой. Из вагона мы не имеем возможности выходить во все время пути, начиная с Пишпека. Едем теперь на всех парах на юг. Останавливаемся только на мелких станциях, чтоб набрать воды и топлива. Эти крайние меры предосторожности вызваны памятью о московской демонстрации, по поводу моей высылки в январе 1928 г., на вокзале: демонстранты насильственно задержали тогда поезда на Ташкент, так что я мог быть отправлен украдкой только на другой день. Газеты в пути приносят нам отголоски новой большой кампании против «троцкистов». Между строк сквозит борьба на верхах вокруг вопроса о моей высылке. Сталинская фракция спешит. У нее для этого достаточно оснований. Ей приходится при этом преодолевать не только политические, но и физические препятствия. Для отправки из Одессы назначен пароход «Калинин». Но он замерз во льдах. Все усилия ледоколов оказались тщетны. Москва

стояла у телеграфного провода и торопила. Срочно развели пары на пароходе «Ильич». В Одессу наш поезд прибыл 10-го ночью. Я глядел через окно на знакомые места: в этом городе я провел семь лет своей ученической жизни. Наш вагон подали к самому пароходу. Стоял лютый мороз. Несмотря на глубокую ночь пристань была оцеплена агентами и войсками ГПУ. Здесь предстояло проститься с двумя членами семьи, разделявшими наше заточение в течение двух последних недель. Мы глядели в окно вагона на предназначенный для нас пароход и вспоминали другой пароход, который тоже отвозил нас не по назначению. Это было в марте 1917 г. под канадским Галифаксом, когда британские военные моряки на глазах многочисленных пассажиров снесли меня на руках с норвежского парохода «Христиенфорд», который отвозил меня во всеоружии всех необходимых документов и виз в направлении на Христианию-Петроград. Мы находились тогда в том же семейном составе, только все были моложе на 12 лет. Старшему сыну под Галифаксом было 11 лет, и он ударил английского моряка маленьким кулаком, прежде чем я успел удержать его от этого жеста, которым он неосновательно надеялся обеспечить мою свободу и прежде всего мое вертикальное положение. Вместо Петрограда я на время попал тогда в концентрационный лагерь.

«Ильич», без груза и без пассажиров, отчалил около часу ночи. На протяжении 60 миль нам прокладывал дорогу ледокол. Свирепствовавший

здесь шторм лишь слегка захватил нас последним ударом крыла. 12-го февраля мы вошли в Босфор. Через турецкого полицейского офицера, заранее предупрежденного, что пароход везет меня и мою семью, я подал заявление о том, что в Константинополь меня везут насильственно. Последствий это не имело. Пароход проследовал дальше на рейд. После 22-х дневного пути, покрыв расстояние в 6.000 километров, мы оказались в Константинополе.

КАК МОГЛО ЭТО СЛУЧИТЬСЯ?

На этот вопрос можно ответить двояко: либо описать внешнюю механику борьбы руководящих групп, либо вскрыть движение более глубоких социальных сил. Оба подхода имеют свои права. Они не исключают, а дополняют друг друга. Естественно, если читатель хочет прежде всего иметь фактическую картину того, что произошло, хочет знать, как на деле совершилась столь радикальная смена руководства, какими путями Сталин овладел аппаратом и направил его против других. По сравнению с основным вопросом: о перегруппировке классовых сил и о смене разных этапов революции, вопрос о личных группировках и комбинациях имеет лишь подчиненное значение. Но на своем месте он вполне законен. На него нужно ответить.

Что такое Сталин? Если искать краткой характеристики, то пришлось бы сказать: это *наиболее выдающаяся посредственность нашей партии*. Он одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политический его кругозор крайне узок. Теоретический уровень столь же примитивен.

Его компилятивная книжка «Основы ленинизма», в которой он пытался отдать дань теоретическим традициям партии, кишит ученическими ошибками. Незнакомство с иностранными языкам (он не знает ни одного), вынуждает его следить за политической жизнью других стран только с чужих слов. По складу ума это упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей. И то, что он играет сейчас первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период неустойчивого равновесия. Еще Гельвеций сказал: «каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, — он их выдумывает».

Как все эмпирики, Сталин полон противоречий. Он действует без перспективы, под толчком момента. Его политическая линия есть ряд зигзагов. Для каждого из них он создает банальную теорию ad hoc, или поручает придумать ее другим. Его отношение к фактам и людям отличается исключительной бесцеремонностью. Он никогда не затруднится назвать белым то, что вчера называл черным. Можно было бы без труда составить поразительный каталог сталинских оценок. Приведу только один пример, который легче других укладывается в рамки газетной статьи. Извиняюсь заранее, что пример этот касается лично меня. За последние годы Сталин сосредоточил свои усилия на так называемом развенчании Троцкого. Была создана на спех

новая история Октябрьской революции, новая история красной армии, новая история партии. Сталин подал сигнал к переоценке ценностей, заявив 19 ноября 1924: «никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий». Он стал повторять это утверждение по каждому поводу. Сталину напомнили статью, написанную им самим в первую годовщину революции. В статье сказано дословно: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому». Как вышел Сталин из этого тяжелого положения? Очень просто: он прибавил некоторое количество ругательств по адресу «троцкистов». Таких примеров сотни. Отзывы Сталина о Зиновьеве и Каменеве отличаются столь же вопиющими противоречиями. Можно не сомневаться, что в недалеком будущем Сталин станет насчет Рыкова, Бухарина и Томского повторять в самом отравленном виде те самые отзывы, которые он вчера об'являл злостной клеветой оппозиции. Как он отваживается на такие противоречия? Дело в том, что он выступает с речами или статьями только после того, как противники лишены возможности отвечать ему. Полемика Сталина есть только запоздалое эхо его организационной

механики. Сталинизм это прежде всего автоматическая работа аппарата.

В так называемом завещании Ленин отметил две черты Сталина: грубость и нелойяльность. Но только после смерти Ленина обе эти черты развернулись до конца. Сталин больше всего озабочен тем, чтоб придать внутрипартийной борьбе как можно более отравленный характер и поставить таким путем партию перед совершившимся фактом раскола.

«Этот повар будет готовить только острые блюда», предупреждал Ленин партию еще в 1921 г. Постановление ГПУ, обвиняющее оппозицию в подготовке вооруженной борьбы, есть не единственное сталинское блюдо такого рода. В июле 1927 г. т. е. еще в тот период, когда оппозиция оставалась в партии, и ее представители входили в ЦК, Сталин неожиданно выдвинул вопрос: «Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях с империализмом?» Незачем говорить, что для этой инсинуации не было и тени основания. Но повар уже начинал готовить блюдо 58-й статьи. Так как вопрос об отношении оппозиции к обороне СССР имеет международное значение, то считаю необхдимым в интересах Советской республики привести здесь выдержку из своей речи, в которой я тогда же дал ответ на поставленный Сталиным вопрос.

«Оставим на минуту в стороне — говорил я на пленуме ЦК и ЦКК в августе 1927 г. — наглость самого вопроса. К строго взвешенной характеристике сталинских методов Лениным —

«грубость и нелойяльность» — сейчас возвращаться не будем. Возьмем вопрос, как он поставлен, и дадим на него ответ. Против победы СССР в грядущих боях с империализмом могут быть только белогвардейцы. Сталин в сущности имеет в виду другой вопрос, именно: неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не способно обеспечить победу СССР? Да, оппозиция думает, что руководство Сталина затрудняет победу. Каждый оппозиционер займет боевой пост на фронте или в тылу, какой поручит ему партия. Но ни один не откажется от своего права и долга бороться за исправление партийного курса... Итакъ: за социалистическое отечество? Да! За сталинский курс? Нет!» Несмотря на изменившиеся условия, слова эти сохраняют для нас всю свою обязательную силу и сейчас.

Наряду с вопросами о мнимой подготовке оппозицией вооруженной борьбы и о мнимо отрицательном отношении нашем к обороне Советского государства, я вынужден здесь же упомянуть о третьем блюде из специфически сталинского меню: о террористических актах. В мировую печать, как я мог убедиться по приезде в Константинополь, уже проскользнули какие-то неопределенные отголоски каких то террористических замыслов, будто бы связанных с какими то группами «троцкистской» оппозиции. Источник этих слухов для меня ясен. Я неоднократно предупреждал своих друзей письмами из Алма-Ата, что Сталин — на том пути, на который он встал — должен будет испытывать все более острую по-

требность в террористических замыслах со стороны «троцкистов». Подкинуть оппозиции, руководимой штабом достаточно опытных и ответственных революционеров, подготовку вооруженного восстания — дело безнадежное. Подкинуть анонимной группе «троцкистов» террористический замысел — задача более легко разрешимая. Сюда очевидно и направлены сейчас усилия Сталина. Предупредить об этом во всеуслышание еще не значит сделать сталинский замысел совершенно невозможным, но значит затруднить его. Это именно я здесь и делаю. Характер сталинских методов борьбы вынудил меня еще в 1926 г. сказать ему на заседании политбюро, что он становится кадидатом на роль могильщика партии и революции. Я повторяю сейчас это предупреждение с удвоенной силой. Однако и сейчас, как и в 1926 г., мы глубоко убеждены, что не Сталин справится с партией, а партия справится с Сталиным.

* * *

Сталин был избран генеральным секретарем партии еще при Ленине (1922 г.). Тогда эта должность имела более технический, чем политический характер. Тем не менее Ленин и тогда был против сталинской кандидатуры. Именно по этому поводу он говорил о поваре, склонном к острым блюдам. Но Ленин уступил в этом вопросе другим членами Политбюро, правда без большой охоты: «Попробуем, посмотрим»... Болезнь Ле-

нина сразу изменила обстановку. До того у центрального рычага стоял Ленин, возглавлявший Политбюро. Второстепенная, исполнительская часть центральной работы лежала на Сталине, как генеральном секретаре. Все остальные члены Политбюро были заняты своими особыми областями. Устранение Ленина от работы автоматически передало центральный рычаг в руки Сталина. Это был провизориум. Перемен никто не предлагал, ибо надеялись на скорое выздоровление Ленина. Тем временем Сталин вел лихорадочную работу по подбору своих людей в аппарате. Оправившись после первого удара и временно вернувшись к работе в 1922-23 году, Ленин ужаснулся, как далеко зашла бюрократизация аппарата и его всевластие над партийной массой. Настаивая на том, чтоб я стал его заместителем в Совнаркоме, Ленин вел со мной переговоры о совместной борьбе против сталинского бюрократизма. Задача была в том, чтоб провести эту борьбу с наименьшим потрясениями для партии. Но здоровье Ленина снова ухудшилось. В так называемом «Завещании», написанном 4 января 1923 г. Ленин настойчиво советует снять Сталина с центральной работы в виду его нелойяльности и склонности злоупотреблять властью. Но Ленин снова слег. Провизориум со Сталином у руля возобновился. Между тем надежды на выздоровление Ленина все более падали. Перспектива полного его отхода от работы выдвигала вопрос о руководстве партией. В это время принципиальные разногласия еще не оформились.

Группировка против меня получила персональный характер. Лозунг Зиньвева, Сталина и др. был: «не допустить Троцкого до руководства партией». В позднейшей борьбе Зиновьева и Каменева со Сталиным тайны этого периода были раскрыты самими участниками заговора. Ибо это былъ подлинный заговор.

Создано было тайное политбюро (семерка), в которое входили все члены официального Политбюро, кроме меня, плюс Куйбышев, нынешний председатель ВСНХ. Все вопросы предрешались в этом тайном центре, участники которого были связаны круговой порукой. Они обязались не полемизировать друг с другом и в то же время искать поводов для выступлений против меня. В местных организациях были такого же рода тайные центры, связанные с московской «семеркой» строгой дисциплиной. Для сношений существовали особые шифры. Это была стройная нелегальная организация внутри партии, направленная первоначально против одного человека. Ответственные работники партии и государства систематически подбирались под одним критерием: против Троцкого. Во время длительного «междуцарствия», созданного болезнью Ленина, эта работа велась неутомимо, но в то же время осторожно, замаскированно, так, чтобы на случай выздоровления Ленина сохранить в целости минированные мосты. Заговорщики действовали намеками. От кандидатов на ту или иную должность требовалось догадаться, чего от них хотят. Кто «догадывался», тот поднимался

вверх. Так создался особый вид карьеризма, который лишь позже получил открытое имя «антитроцкизма». Смерть Ленина полностью развязала руки этой конспирации, позволив ей выйти наружу.

Члены партии, которые поднимали голос протеста против этой политики, становились жертвами вероломных аттак по совершенно посторонним, нередко вымышленным, поводам. Наоборот, нравственно шаткие элементы, которые в первое пятилетие Советской власти подверглись бы беспощадному изгнанию из партии, страховали себя теперь одной враждебной репликой против Троцкого. Та же самая работа производилась с конца 1923 г., во всех партиях Коминтерна: одни вожди низлагались, другие назначались на их место исключительно в зависимости от того, как они относились к Троцкому. Совершался напряженный искусственный отбор не лучших, но наиболее приспособленных. Общий курс свелся к замене самостоятельных и даровитых людей посредственностями, которые обязаны своим положением только аппарату. Высшим выражением аппаратной поредственности и стал Сталин.

К концу 1923 года аппарат был уже на три четверти подобран для перенесения борьбы в массы. Все роды оружия заняли исходные позиции и ждали сигнала к аттаке. Этот сигнал был дан. Две первые, открытые против меня, «дискуссии» осенью 1923 г. и осенью 1924 г., совпали в обоих случаях с моей болезнью, не позволившей мне выступить ни на одном партийном собрании.

Под бешеным давлением ЦК началась единовременно и со всех сторон обработка массы. Старые мои разногласия с Лениным, предшествовавшие не только революции, но и войне, и давно ликвидированные совместной борьбой, были внезапно извлечены на свет божий, искажены, преувеличены, и преподнесены неосведомленной массе как самый животрепещущий вопрос. Масса была оглушена, сбита с толку, запугана. Тем временем процесс персонального отбора спустился этажом ниже. Уже нельзя стало занять пост директора завода, секретаря цеховой ячейки, председателя волостного исполкома, бухгалтера, переписчицы, не зарекомендовав себя антитроцкизмом.

Я до последней возможности уклонялся от борьбы, поскольку на первых своих этапах она имела характер беспринципного заговора, направленного лично против меня. Мне было ясно, что такого рода борьба, раз вспыхнув, неизбежно примет исключительную остроту и в условиях революционной диктатуры может привести к угрожающим последствиям. Здесь не место обсуждать вопрос о том, правильно ли было ценою величайших личных уступок стремиться сохранить почву коллективной работы или же нужно было самому перейти в наступление по всей линии, несмотря на отсутствие для этого достаточных политических оснований. Факт таков, что я избрал первый путь, и, несмотря на все, не раскаиваюсь в этом. Есть победы, которые ведут в тупик, и есть поражения, которые открывают

новые пути... И после того, как глубокие политические разногласия определились, оттеснив далеко назад личную интригу, я пытался удерживать споры в рамках принципиального обсуждения и противодействовал форсированию борьбы, чтоб дать возможность на фактах проверить противоречивые оценки и прогнозы. Наоборот, Зиновьев, Каменев и Сталин, который осторожно укрывался на первых порах за первыми двумя, форсировали борьбу изо всех сил. Они как раз и не хотели дать партии время обдумать и проверить разногласия на основе опыта. Когда Зиновьев и Каменев отделились от Сталина, последний автоматически использовал против них самих ту неистовую инерцию травли против «троцкизма», которую они в течение трех лет развивали вместе с ним.

Изложенное выше не есть историческое об'яснение победы Сталина, а только беглое описание того, как победа была достигнута. Меньше всего это жалоба на интриги. Та политика, которая причину своего поражения видит в интригах противника, есть слепая и жалкая политика. Интрига есть своего рода техника дела, она может играть лишь подчиненную роль. Большие исторические вопросы решаются действием больших социальных сил. Победа Сталина, при всей своей шаткости и неустойчивости, выражает значительные сдвиги в соотношении классов революционного общества. Она есть победа или полупобеда одних слоев и групп над другими. Она есть отражение изменений международной

обстановки, происшедших за последние годы. Но круг этих вопросов составляет уже самостоятельную большую тему.

Здесь скажу пока только одно. Несмотря на все ошибки и всю путанницу в оценке отдельных этапов и фактов внутренней борьбы в СССР, мировая печать, враждебная большевизму, в общем правильно вышелушила из этой борьбы ее основное социальное ядро: победа Сталина есть победа более умеренных, боле консервативных, бюрократических, собственнических и национальных тенденций над тендениями международной пролетарской революции и традициями большевистской партии. Постольку у меня нет основания протестовать против столь обычных в буржуазной печати похвал сталинскому реализму. Другое дело, насколько его победа прочна, и в какую сторону пойдет дальнейшее развитие.

КУДА ИДЕТ СОВЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Вопрос этот, начиная с Октябрьского переворота, не сходит со страниц печати всего мира. Сейчас он обсуждается в связи с моей высылкой, которую противники большевизма рассматривают, как симптом долгожданной «развязки». Что высылка имеет не личное, но политическое, значение, не мне это отрицать. Однако, я решительно не советовал бы и на этот раз торопиться с заключениями насчет «начала конца».

Незачем напоминать, что исторические прогнозы, в отличие от астрономических, всегда условны, факультативны, альтернативны. Смешны были бы претензии на точное пророчество в тех случаях, где дело идет о борьбе живых сил. Задача исторического предвиденья состоит в том, чтоб отделить возможное от невозможного и из теоретически мыслимых варьянтов выделить наиболее вероятные.

Сколько-нибудь обоснованный ответ на вопрос, куда идет революция, можно было бы дать только в результате анализа всех ее внутренних сил и той мировой обстановки, в какую она поставлена. Подобного рода работа требует книги.

В Алма-Ата я работал над такой книгой и надеюсь закончить ее в близком будущем.

Здесь я могу лишь наметить те линии, по которым следует искать ответа. Верно ли, что советская революция близка к ликвидации? Исчерпаны ли ее внутренние рессурсы? Кто мог бы явиться ее приемником: демократия, диктатура, монархическая реставрация?

Русло революционного процесса много сложнее, чем русло горной реки. Но там, как и здесь, самое парадоксальное, на взгляд, изменение направления вполне закономерно. Не надо только требовать внешней схематической закономерности. Надо брать естественную закономерность, определяемую массой водного потока, рельефом местности, характером воздушных течений и пр. Для политики это значит: за самыми высокими под'емами революции предугадывать возможность и вероятность крутых, иногда длительных спусков; и наоборот, в периоды величайшего упадка, как напр., во время столыпинской контрреволюции (1907-1910), видеть предпосылки нового под'ема.

Три революции, через которые прошла Россия за последнюю четверть века, представляют в сущности этапы одной и той же революции. Между первыми двумя прошло 12 лет; между второй и третьей — всего около девяти месяцев.

Одиннадцать лет советской революции в свою очередь расчленяются на ряд этапов, из которых главных два. Болезнь Ленина и начало борьбы против «троцкизма» можно условно принять, как грань между ними. В первый период решаю-

щую роль играли массы. История не знает другого примера, когда бы революция привела в движение массы подобные тем, что подняты были Октябрьским переворотом. И сейчас еще есть чудаки, которые рассматривают Октябрьский переворот как авантюру. Они низводят, таким обраом, к ничтожеству то, что защищают. Ибо чего стоил бы общественный строй, который можно низвергнуть «авантюрой»? На самом деле успех Октябрьской революции, — один, тот факт, что она устояла в наиболее критические годы против сонма врагов, — обеспечивался активностью и инициативой миллионных масс города и деревни. На этой основе только и могла развертываться импровизация государственного аппарата, красной армии. Таков во всяком случае главный вывод моего опыта в этой области.

Второй период, вызвавший радикальную смену руководства, характеризуется несомненным снижением непосредственной массовой активности. Движение входит в берега. Над массами все более поднимается централизованный аппарат управления. Советское государство, как и армия, бюрократизируется. Дистанция между управляющим слоем и массами возрастает. Аппарат получает все более самодовлеющий характер. Чиновник все больше проникается убеждением, что Октябрьская революция совершилась именно для того, чтоб сосредоточить в его руках власть и обеспечить ему привиллегированное положение.

Незачем, пожалуй, пояснять, что вскрываемые нами реальные противоречия в развитии Совет-

ского государства ни в каком случае не являются доводом в пользу анархического, т. е. голого и бесплодного «отрицания» государства вообще.

В замечательном письме, посвященном явлениям перерождения в государственном аппарате и в партии, мой старый друг Раковский показывает с большой наглядностью, как после завоевания власти, из среды рабочего класса дифференцировалась самостоятельная бюрократия, и как эта дифференциация, являвшаяся сперва лишь функциональной, становилась затем социальной. Разумеется, процессы внутри бюрократии совершались в связи с более глубокими процессами в стране. На основах нэп'а возродился или возник снова широкий слой мелкой буржуазии городов. Ожили либеральные профессии. В деревне поднялся крепкий крестьянин, кулак. Чиновничество, именно потому что оно возвышается над массами, сблизилось в широких своих кругах и породнилось с этими буржуазными слоями. Инициатива и критика массы стали все более ощущаться бюрократией как помеха. Нажим аппарата на массу возростал тем легче, что, как уже сказано, психологическая реакция в самих массах выражалась в несомненном снижении их политической активности. Рабочим нередко приходилось слышать за последние годы от бюрократии и новых собственников окрик: «Это вам не 18-ый год». Другими словами, соотношение сил менялось в ущерб пролетариату.

Этим процессам соответствовали внутрение изменения в самой правящей партии. Не нужно ни

на минуту забывать, что подавляющее большинство нынешней милионной партии имеет смутное понятие о том, чем была партия в первый период революции, не говоря уже о дореволюционном подполье. Достаточно сказать, что 75-80 проц. членов партии вступили в нее лишь после 1923 г. Число членов партии с дореволюционным стажем ниже 1 проц.. Начиная с 1923 г. партия искусственно растворялась в полусырой массе, призванной играть роль послушного материала в руках профессионалов аппарата. Это разводнение революционного ядра партии явилось необходимой предпосылкой аппаратных побед над «троцкизмом».

Отметим тут же, что из бюрократизации партийного и государственного режима выросли многочисленные явления коррупции и произвола. На них злорадно указывают противники. Было бы противоестественно, если бы они этого не делали. Но когда они пытаются об'яснить эти явления отсутствием парламентской демократии, достаточно в ответ указать на длинную серию панам, начиная хотя бы с той, которая , не будучи первой, превратила собственное имя в нарицательное, и кончая свежей панамой парижской «Газеты» и бывшего министра Клоца. Если нам станут доказывать, что Франция составляет исключение;что напр.,Соединенные Штаты не знают, что такое политическая или чиновничья коррупция, то мы очень затруднимся этому поверить.

Но вернемся к теме. Поднявшиеся над массой чиновники в большинстве своем

глубоко консервативны. Они склонны считать, что осуществлено уже все, что требуется для человеческого благополучия и видят врага в каждом, кто этого не признает. Эти элементы с органической ненавистью относятся к оппозиции, обвиняя ее в том, что своей критикой она сеет недоверие к ним в массах, нарушает устойчивость аппарата и угрожает завоеваниям Октября призраком «перманентной революции». Этот консервативный слой, составляющий наиболее крепкую опору Сталина в его борьбе с оппозицией, склонен идти значительно дальше вправо, навстречу новым собственникам, чем сам Сталин и основное ядро его фракции. Отсюда нынешний конфликт Сталина с правыми, отсюда в частности перспектива новой чистки партии не только от «троцкистов», число которых после исключений и ссылок значительно возросло, но и от наиболее разложившихся элементов бюрократии. Так, половинчатая политика Сталина развертывается в ряде зигзагов, последствием которых является усиление обоих флангов, правого и левого, за счет правящей фракции центра.

Хотя борьба с правыми не снята с порядка дня, но основным врагом для Сталина остаются по прежнему левые. Сейчас это уж не требует доказательств. Для оппозиции это было ясно и ранее. Еще в первые недели кампании против правых, в письме единомышленникам, из Алма-Ата, 10 ноября прошлого года я писал, что тактическая задача Сталина состоит в том, чтобы в подходящий момент, «когда правые будут достаточно напуга-

ны, круто повернуть весь огонь против левого крыла... Кампания против правых есть только разбег для нового натиска на левых. Кто этого не понял, тот не понял ничего:» Прогноз этот осуществился раньше и решительнее, чем можно было ждать. Кто в революции сползает вниз, не порывая со старой социальной опорой, тот вынужден спук называть под'емом и правую руку выдавать за левую. Именно поэтому сталинцы обвиняют оппозицию в «контр-революции» и делают безнадежные усилия, чтоб свалить в одну кучу своих противников справа и слева. Для этой же цели должно отныне служить слово «эмиграция». На самом деле сейчас имеются две эмиграции: одна, вытесненная массовым под'емом революции, и другая, которая становится показателем успеха враждебных революции сил.

Когда оппозиция, пользуясь аналогией с классической революцией конца XVIII века, говорит о термидоре, она имеет в виду опасность того, что, при наличии указанных выше явлений и тенденций, борьба сталинцев против левых может стать исходным моментом для замаскированного изменения социальной природы Советской власти.

Вопрос о термидоре, играющий столь большую роль в борьбе между оппозицией и правящей фракцией, требует несколько дополнительных пояснений.

Бывший французский министр-президент г. Эррио высказался недавно в том смысле, что советский режим, который целых десять лет опирается на насилие, тем самым осуждает сам

себя. Во время своего визита в Москву в 1924 г. г. Эррио, насколько я его тогда понял, пытался более благожелательно, хоть и не слишком отчетливо подойти к Советам. Но по истечении десятилетия он считает своевременным лишить Октябрьскую революцию своего кредита. Признаться, я не совсем понимаю радикального политика. Революции еще никому не выдавали срочных векселей. Великой французской революции понадобилось 10 лет, — не для того, чтоб насадить демократию, а для того, чтоб подвести страну к бонапартизму. Тем не менее остается несомненным, что если бы якобинцы не справились с жирондистами и не показали миру примера радикальной расправы со старым обществом, все человечество сегодня было бы ниже на целую голову.

Революции никогда еще не проходили бесследно для человечества. Но они в то же время не удерживали всех тех завоеваний, которые делали в период наивысшего под'ема. После того как одни классы, группы, лица совершали революцию, другие начинали ею пользоваться. Только безнадежный сикофант будет отрицать всемирно-историческое значение Великой французской революции, хотя реакция после нее была так велика, что довела страну до реставрации Бурбонов. Первым этапом на пути реакции был Термидор. Новые чиновники, новые собственники хотели мирно насладиться плодами революции. Старые непримиримые якобинцы им мешали. Новые собственники еще не смели выступать под собствен

ным знаменем. Им нужно было прикрытие из среды самих же якобинцев. Они нашли себе временных вождей в лице якобинцев второго и третьего разряда. Плывя по течению, эти последние подготовили условия для пришествия Бонапарта, который укрепил новую собственность своим штыком и своим кодексом.

Элементы термидорианского процесса, разумеется совершенно своеобразного, имеются и в стране Советов. Они ярко обнаружились за последние годы. Те, которые стоят сейчас у власти, либо играли в решающих событиях первого периода революции второстепенную роль, либо были прямыми противниками революции и присоединились к ней лишь после ее победы. Они служат ныне сплошь да рядом прикрытием для таких слоев и групп, которые, будучи враждебны социализму, слишком слабы для контр-революционного переворота и потому стремятся к мирному термидорианскому сползанию на рельсы буржуазного общества, к «спуску на тормозах», как выразился один из их идеологов.

Было бы, однако, величайшей ошибкой рассматривать все эти процессы, как завершенные. К счастью для одних, к несчастью для других, до этого еще очень далеко. Историческая аналогия — соблазнительный и потому опасный метод. Думать, что есть особый циклический закон революций, который заставляет их, отходя от бурбонов к бурбонам возвращаться, пройдя через этап бонапартизма, было бы слишком поверхностно. Ход каждой революции определяется свое-

образным сочетанием национальных сил и всей международной обстановкой. Тем не менее во всех революциях имеются некоторые общие черты, которые допускают аналогии и даже повелительно требуют их, если мы хотим опираться на уроки прошлого, а не начинать историю каждый раз сначала. Можно было бы социологически раз'яснить, почему *тенденции* термидора, бонапартизма и реставрации имеются во всякой победоносной революции, заслуживающей этого имени. Весь вопрос в силе этих тенденций, в их сочетании, в условиях их развития. Когда мы говорим об угрозе бонапартизма, мы вовсе не считаем, что победа его заранее предопределена каким-либо абстрактным историческим законом. Дальнейшая судьба революции определится самим ходом борьбы живых сил общества. Будут еще приливы и отливы, длительность которых будет в огромной степени зависеть об обстановки в Европе и во всем мире. В такую эпоху, как наша, безнадежно разбито лишь то течение, которое не понимает об'ективных причин своего поражения и чувствует себя щепкой на потоке, — еслиб щепка могла себя чувствовать.

ВЕРОЯТНА ЛИ СМЕНА СОВЕТОВ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ?

«Если Советская власть борется со все большими трудностями; если кризис руководства диктатуры все обостряется; если опасность бонопартизма не исключена, — не лучше ли встать на путь демократии? » Этот вопрос либо ставится ребром, либо подразумевается во множестве статей, посвященных последним событиям в Советской республике.

Я здесь совершенно не рассуждаю о том, что *лучше*, и что не-лучше. Я пытаюсь вскрыть, что *вероятно*, т. е. что вытекает из об'ективной логики развития. И я прихожу к выводу, что наименее вероятен, правильнее сказать совершенно невозможен, переход от советов к парламентской демократии.

Многие газеты любезно и популярно раз'ясняют мне, что моя высылка есть результат отсутствия в России демократии, и что, следовательно, я не должен жаловаться. Но, во-первых, я никому не жаловался. А во-вторых, мне случалось быть высылаемым и из демократий. Что противники

рассматривают нынешний острый кризис руководства в СССР, как неизбежное последствие режима диктатуры, — за который я несу, разумеется, полную ответственность, — это в порядке вещей. В самом общем смысле это верно. Я меньше всего собираюсь ниспровергать, по поводу моей высылки, исторический детерминизм. Но если кризис руководства не случайно вырос из диктатуры, то и диктатура не случайно выросла из кратковременной демократии, сменившей в феврале 1917 г. царизм. Если диктатура повинна в репрессиях и во всех прочих бедствиях, то почему же демократия оказалась бессильна оградить страну от диктатуры? И где данные, что она окажется способна ныне устранить диктатуру, заменив ее?

Чтобы яснее выразить свою мысль, я должен раздвинуть ее географические рамки и хотя бы только упомянуть о некоторых тенденциях политического развития Европы со времени войны, которая была не эпизодом, а кровавым прологом новой эпохи.

Почти все руководители войны еще живы. Большинство из них говорило в свое время, что это — последняя война, что после нее наступит царство мирной демократии. Некоторые из них верили в то, что говорили. Ни один из них, однако, не отважится теперь повторить эти слова. Почему? Потому что война ввела нас в эпоху великого напряжения, великой борьбы, с перспективой новых великих войн. По рельсам мирового господства мчатся сейчас навстречу друг

другу могучие поезда. Нельзя мерять нашу эпоху масштабами XIX века, который был веком расширения демократии по преимуществу. XX век будет во многих отношениях больше отличаться от XIX, чем вся новая история отличается от средневековья.

В венской газете г. Эррио перечислял недавно факты отступления демократии перед диктатурой. После учреждения революционной власти в России и поражения революционных движений в ряде других стран мы были свидетелями установления фашистской диктатуры на всем юге и востоке Европы. Чем же об'ясняется это потухание «алтарей» демократии? Указывают иногда, что мы имеем тут дело с отсталыми и незрелыми государствами. Вряд ли это об'яснение применимо к Италии. Но и в тех случаях, где оно верно, оно ничего не об'ясняет. В XIX веке считалось законом, что отсталые страны поднимаются по лестнице демократии. Почему же XX век толкает их на путь диктатуры? Мы думаем, что об'яснение вытекает из самих фактов. Демократические учреждения показали, что не выдерживают напора современных противоречий, то международных, то внутренних, чаще — тех и других вместе. Хорошо ли это или дурно, но это факт. По аналогии с электротехникой демократия может быть определена, какъ система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша.

Перегрузка тока все чаще обнаруживается в разных пунктах европейской сети. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры. Первыми поддаются, конечно, наиболее слабые выключатели. Но ведь сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает , а растет. Вряд ли есть основания успокаивать себя тем, что процесс захватил только периферию капиталистического мира. Подагра начинается с мизинца руки или с большого пальца ноги, но, раз начавшись, доходит до сердца. Как бы однако дело не обстояло со странами сильного капитализма и старой демократии, — этот вопрос не входит в круг нашего рассмотрения, — сказанное выше бросает, как нам кажется, достаточный свет на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи.

Когда противопоставляют советам демократию, то имеют в виду собственно парламентарную систему. Забывают другую, притом решающую сторону дела, именно что Октябрьский переворот открыл собою величайшую в человеческой истории демократическую революцию. Конфискация помещичьего землевладения, полная ликвидация сословных привилегий и различий, разрушение царского бюрократического и военного аппарата, проведение национального равноправия и национального самоопределения — вот основная демократическая работа, к которой Февральская революция едва подошла, оставив ее почти полно-

стью в наследство Октябрьскому перевороту. Только несостоятельность либерально-социалистической коалиции и сделала возможной советскую диктатуру на основе союза рабочих, крестьян и угнетенных национальностей. Те же самые причины, которые помешали нашей исторически запоздалой, слабой демократии разрешить свою основную историческую задачу, не позволят ей и в будущем встать во главе страны. Ибо задачи и трудности стали за это время больше, а демократия — меньше.

Советская система не голая государственная форма, которую можно было бы абстрактно сравнивать с парламентарной формой. Это прежде всего новая система имущественных отношений. Вопрос идет в основе о собственности на землю, на банки, на копи, на заводы и железные дороги. Трудящиеся массы очень хорошо помнят, чем был барин, помещик, чиновник, ростовщик, капиталист, хозяин в царской России. В массах есть бесспорно много законнейшего недовольства современным положением в Советском государстве. Но масса не хочет ни помещика, ни чиновника, ни хозяина. Об этой «мелочи» не надо забывать, опьяняясь общими фразами о демократии. Против возвращения помещика крестьянин будет и сегодня, как десять лет тому назад, бороться до последней капли крови. Вернуться из эмиграции в свою вотчину помещик мог бы только верхом на пушке, причем он вынужден был бы в дальнейшем и ночевать на ней. Правда, крестьянин гораздо легче мог бы примириться с возвра-

щением капиталиста, так как государственная промышленность до сих пор снабжает крестьянина промышленными продуктами на менее выгодных условиях, чем это делал раньше купец. В этом, отметим в скобках, и состоит основа всех внутренних затруднений. Но крестьянин помнит, что помещик и капиталист были сиамскими близнецами старого режима; что они вместе ушли, что они вместе боролись против Советов в годы гражданской войны; что в захваченных белыми областях фабрикант возвращал себе фабрику, помещик — землю. Крестьянин понимает, что капиталист вернется не один, а вместе с помещиком. Вот почему он не хочет ни того, ни другого. Это хоть и отрицательный, но могущественный источник силы советского режима,

Надо называть вещи по имени. Вопрос идет не о введении бесплотной демократии, а о возвращении России на путь капитализма. Но каково было бы второе издание русского капитализма? За последние пятнадцать лет картина мира глубоко изменилась. Сильные стали неизмеримо сильнее, слабые стали несравненно слабее. Борьба за мировое господство приняла титанические размеры. Этапы этой борьбы разыгрываются на костях слабых и отсталых народов. Капиталистическая Россия не могла бы ныне занимать в мировой системе даже то третьестепенное положение, которое предопределил для царской России ход мировой войны. Русский капиталим был бы теперь кабальным, полуколониальным капитализмом без перспектив. Россия № 2 занимала

бы сегодня место где то между Россией № 1 и Индией. Советская система с национализованной промышленностью и монополией внешней торговли, несмотря на все свои противоречия и трудности, есть система ограждения экономической и культурной независимости страны. Это поняли даже многие демократы, которых на сторону Сотетской власти привлек не социализм, а патриотизм, усвоивший элементарные уроки истории. К этой категории принадлежат многочисленные технические силы внутренней интеллигенции и новая школа писателей, которых, за отсутствием более подходящего имени, я назвал когда то «попутчиками».

Горсточка бессильных доктринеров хотела бы демократи без капитализма. Но серьезные социальные силы, враждебные советскому режиму, хотят капитализма без демократии. Это относится не только к экспроприированным собственникам, но и к зажиточному крестьянству. Поскольку оно поворачивалось против революции, оно всегда становилось опорой бонапартизма. Советская власть возникла, как результат величайших противоречий международного и внутреннего порядка. Безнадежно думать, что демократические выключатели либерального или социалистического типа могут выдержать эти противоречия, доведенные за последнею четверть века до высшего напряжения; могут «урегулировать» жажду реванша и реставрации со стороны низвергнутых классов, тянущихся цепью, в которой и промышленник и купец хватается за кулака,

помещик за купца, монархия тянется за ними, а иностранные кредиторы идут пока в хвосте, чтобы в случае победы занять в стране первое место.

Наполеон верно схватил динамику революционной эпохи с ее господством крайностей, когда сказал, что Европа будет республиканской или казацкой. Сейчас с еще большим основанием можно сказать: Россия будет советской либо бонапартистской.

Сказанное выше показывает, что я отнюдь не собираюсь утверждать, будто существуют какие либо абсолютные гарантии незыблемости Советской власти. Еслиб мы это думали, тогда не имела бы смысла та борьба, которую оппозиция ведет против опасности бонапартизма. Еще меньше я склонен утверждать, будто социальная прочность советской системы не зависит от той конкретной политики, которую ведет данное советское правительство. Острота нашей внутренней борьбы как раз показывает, насколько опасным для Советской власти мы считаем сталинский курс зигзагов. Но тот же факт нашей борьбы свидетельствует о том, насколько мы далеки от так называемого пессимизма. Мы исходим из убеждения в больших внутренних рессурсах и резервах советской системы. Курс оппозиции — не на крушение Советской власти, а не ее упрочение и развитие.

Выводы можно было бы формулировать в виде нескольких кратких положений.

1. Советский режим, независимо от своих социалистических задач, носителем которых является прежде всего передовая часть промышленного пролетариата, имеет глубокие социальные и исторические корни в народных массах, являясь страховкой от реставрации и гарантией самостоятельного, т. е. не колониального развития.

2. Основная историческая борьба против Советского Союза, как и борьба внутри его против коммунистической власти, ведется не во имя замены диктатуры демократией, а во имя замены нынешнего переходного режима режимом капитализма, неизбежно зависимого и полуколониального.

3. В этих условиях поворот на капиталистические рельсы мог бы быть достигнуть не иначе, как путем длительной жестокой затяжной гражданской войны, при открытой или замаскированной интервенции извне.

4. Политической формой такого переворота могла бы явиться лишь военная диктатура, современная разновидность бонапартизма. Но в контр-революционной диктатуре с самого нач ла была бы заложена пружина нового октябрьского переворота.

5. Борьба оппозиции не только развертывается целиком и полностью на советской основе, но является прямым продолжением и развитием основной линии большевизма. Нынешний этап борьбы этой является не решающим, а так сказать кон'юнктурным.

6. Дальнейшее развитие советской системы,

а следовательно и судьба оппозиции, зависит не только от факторов внутреннего порядка, но — в огромной степени — и от дальнейшего развития всей мировой обстановки. Какое направление примет развитие капиталистического мира? Как сильнейшие государства, нуждающиеся в экспансии, разместятся на мировом рынке? Как сложатся в ближайшие годы взаимоотношения европейских государств между собою? И что неизмеримо важнее: взаимоотношения Соединенных Штатов с Европой и, прежде всего, с Великобританией? Есть очень большое число пророков, которые, не задумавшись, решают вопрос о судьбе Советской республики, но молчат о ближайших судьбах капиталистической Европы. Между тем оба эти вопроса антагонистически, но неразрывно связаны друг с другом.

Л. Троцкий.

25 февраля 1929 г.
Константинополь.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПИСЬМО Л. Д. ТРОЦКОГО ПЕРЕД ВЫСЫЛКОЙ.

ЦКВКП
Исполкому Коминтерна.

Сегодня, 16 декабря, уполномоченный коллегии ГПУ Волынский пред'явил мне от имени этой коллегии в устной форме нижеследующий ультиматум:

«Работа ваших единомышленников в стране — так почти дословно заявил он—приняла за последнее время явно контр-революционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ата, дают вам полную возможность руководить этой работой; в виду этого коллегия ГПУ решила потребовать от вас категорического об'язательства прекратить вашу деятельность, — иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования, в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встанет также вопрос о перемене места вашего жительства».

Я заявил уполномоченному ГПУ, что могу дать

ему только письменный ответ в случае получения от него письменной же формулировки ультиматума ГПУ. Отказ мой от устного ответа вызывался уверенностью, опирающейся на все прошлое, что слова мои будут снова злостно искажены для введения в заблуждение трудящихся масс СССР и всего мира.

Независимо, однако, от того, как поступит в дальнейшем коллегия ОГПУ, не играющая в этом деле самостоятельной роли, а лишь технически выполняющая старое и давно мне известное решение узкой фракции Сталина, считаю необходимым довести до сведения ЦКВКП и Исполкома Коминтерна нижеследующее.

Пред'явленное мне требование отказаться от политической деятельности означает требование отречения от борьбы за интересы международного пролетариата, которую я веду без перерыва тридцать два года, т. е. в течении всей своей сознательной жизни. Попытка представить эту деятельность, как «контр-революционную», исходит от тех, которых я обвиняю пред лицом международного пролетариата в попрании основ учения Маркса и Ленина, в нарушении исторических интересов мировой революции, в разрыве с традициями и заветами Октября, в бессознательной, но тем более угрожающей подготовке Термидора.

Отказаться от политической деятельности значило бы прекратить борьбу против слепоты нынешнего руководства ВКП, которое на об'ективные трудности социалистического строительства громоздит все больше и больше политических

затруднений, порождаемых оппортунистической неспособностью вести пролетарскую политику большого исторического масштаба;

это значило бы отречься от борьбы против удушающего партийного режима, который отражает возростающее давление враждебных классов на пролетарский авангард;

это значило бы пассивно мириться с хозяйственной политикой оппортунизма, которая, подрывая и расшатывая устои диктатуры пролетариата, задерживая его материальный и культурный рост, наносит в то же время жестокие удары союзу рабочих и трудовых крестьян, этой основе советской власти.

Отказаться от политической деятельности значило бы покрывать своим молчанием злосчастную политику международного руководства, которая привела в Германии в 1923 году к сдаче великих революционных позиций без боя; пыталась перекрыть оппортунистические ошибки авантюрами в Эстонии и Болгарии; на V Конгрессе оценила на выворот всю мировую обстановку и дала партиям директивы, которые только ослабляли и дробили их; политику, которая через Англо-русский Комитет поддерживала под руки Генеральный Совет, оплот империалистической реакции, в самые трудные для изменников-реформистов месяцы; которая в Польше, на крутом внутреннем повороте, превратила авангард пролетариата в арьергард Пилсудского; которая в Китае довела до конца историческую линию меньшевизма и тем помогла буржуазии разгромить, обес-

кровить и обезглавить революционный пролетариат; которая везде и всюду ослабляет Коминтерн, расточая его идейный капитал.

Прекратить политическую деятельность значило бы пассивно мириться с притуплением и прямой фальсификацией основного нашего орудия, марксистского метода, и тех стратегических уроков, которые мы, при помощи этого метода, завоевали в борьбе под руководством Ленина; это значило бы пассивно мириться и покрывать: теорию о вростании кулака в социализм; миф о революционной миссии колониальной буржуазии; лозунг «двух-составной рабоче-крестьянской партии» для Востока, порывающий с основами классовой теории; наконец, как увенчание этих и других реакционных вымыслов, теорию социализма в отдельной стране, главный и наиболее преступный подкоп под революционный интернационализм.

Ленинское крыло партии терпит удары, начиная с 23 года, т. е. с беспримерного крушения немецкой революции. Возростающая сила этих ударов идет в ногу с дальнейшими поражениями международного и советского пролетариата в результате оппортунистического руководства.

Теоретический разум и политический опыт свидетельствуют, что период исторической отдачи, отката, т. е. *реакции*, может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР, в условиях нарастающей реакции против Октября и тем самым — расчистки путей для Термидора.

Наиболее явным и законченным выражением этой реакции внутри партии является дикая травля и организационный разгром левого крыла.

В своих последних попытках отпора открытым термидорьянцам сталинская фракция живет «обломками» и «осколками» идей оппозиции. Творчески она безсильна. Борьба налево лишает ее всякой устойчивости. Ее практическая политика не имеет стержня, фальшива, противоречива, ненадежна. Столь шумная кампания против правой опасности остается на три четверти показной и служит прежде всего для прикрытия пред массами подлинно истребительной войны против большевиков-ленинцев. Мировая буржуазия и мировой меньшевизм одинаково освящают эту войну: «историческую правоту» эти судья давно признали на стороне Сталина.

Если бы не эта слепая, трусливая и бездарная политика приспособления к бюрократии и мещанству, положение трудящихся масс на двенадцатом году диктатуры было бы несравненно благоприятнее; военная оборона неизмеримо крепче и надежнее; Коминтерн стоял бы совсем на иной высоте, а не отступал бы шаг за шагом перед изменнической и продажной социалдемократией.

Неизлечимая слабость аппаратной реакции при ее внешнем могуществе состоит в том, что она не ведает, что творит. Она выполняет заказ враждебных классов. Не может быть большего исторического проклятия для фракции, вышедшей из революции и подрывающей ее.

Величайшая историческая сила оппозиции,

при ее внешней слабости в настоящий момент, состоит в том, что она держит руку на пульсе мирового исторического процесса, ясно видит динамику классовых сил, предвидит завтрашний день и сознательно подготовляет его. Отказаться от политической деятельности значило бы отказаться от подготовки завтрашнего дня.

* * *

Угроза изменить условия моего существования и изолировать меня от политической деятельности звучит так, как если бы я не был сослан за 4000 километров от Москвы, в 250 километрах от железной дороги и примерно на таком же расстоянии от границ пустынных западных провинций Китая, в местность, где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой. Как еслибы фракция Сталина, непосредственным органом которой является ГПУ, не сделала всего, что может, для изоляции меня не только от политической, но и от всякой другой жизни. Московские газеты доставляются сюда в срок от десяти дней до месяца и более. Письма доходят ко мне в виде редкого исключения, после месяца, двух и трех пребывания в ящиках ГПУ и секретариата ЦК.

Два ближайших сотрудника моих со времени гражданской войны, т т. Сермукс и Познанский, решившиеся добровольно сопровождать меня в место ссылки, были немедленно по приезде арестованы, заточены с уголовными в подвал,

затем высланы в отдаленные углы севера. От безнадежно заболевшей дочери, которую вы исключили из партии и удалили с работы, письмо шло ко мне из московской больницы 73 дня, так что ответ мой уже не застал ее в живых. Письмо о тяжком заболевании второй дочери, также исключенной вами из партии и удаленной с работы, было месяц тому назад доставлено мне из Москвы на 43-й день. Телеграфные запросы о здоровьи чаще всего не доходят по назначению. В таком же и еще худшем положении находятся тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги котрых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизмеримо превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали.

Готовя новые все более тяжкие репрессии против оппозиции, узкая фракция Сталина, которого Ленин назвал в «Завещании» «грубым и нелойяльным» (недобросовестным), когда эти качества его еще не развернулись и на сотую долю, все время пытается через посредство ГПУ подкинуть оппозиции какую либо «связь» с врагами пролетарской диктатуры. В узком кругу нынешние руководители говорят: «это нужно для массы». Иногда еще циничнее: «это — для дураков». Моего ближайшего сотрудника Георгия Васильевича Бутова, заведывавшего секретариатом Реввоенсовета Республики во все годы гражданской войны, арестовали и содержали в неслыханных условиях, вымогая от этого чистого и скромного человека и безупречного партийца подтверждение

заведомо фальшивых, поддельных, подложных обвинений в духе термидорианских амальгам. Бутов ответил героической голодовкой, которая длилась около 50 дней и довела его в сентябре этого года до смерти в тюрьме. Насилия, избиения, пытки, физические и нравственные, применяются к лучшим рабочим-большевикам за их верность заветам Октября. Таковы те общие условия, которые, по словам коллегии ГПУ, «не препятствуют» ныне политической деятельности оппозиции и моей в частности.

Жалкая угроза изменить для меня эти условия в сторону дальнейшей изоляции означает не что иное, как решение фракции Сталина заменить ссылку тюрьмой. Это решение, как сказано выше, для меня не ново. Намеченное в перспективе еще в 1924 году, оно проводится в жизнь постепенно, через ряд ступеней, чтобы исподтишка приучать придавленную и обманутую партию к сталинским методам, в которых грубая нелойяльность созрела ныне до отравленного бюрократического бесчестья.

В «Заявлении», поданном нами VI Конгрессу, мы, отбросив клевету против нас, которая пятнает лишь ее авторов, снова подтвердили нашу несокрушимую готовность бороться в рамках партии за идеи Маркса и Ленина всеми теми средствами партийной демократии, без которых партия задыхается, окостеневает и крошится. Мы снова возвестили нашу незыблемую готовность словом и делом помочь пролетарскому ядру партии выравнять курс политики, оздоровить пар-

тию и советскую власть дружными и согласованными усилиями, без потрясений и катастроф. На этом пути мы стоим и сейчас. На обвинения нас во фракционной работе мы ответили, что ликвидировать ее может только снятие вероломно наложенной на нас 58-ой статьи и восстановление нас в партии, не как кающихся мнимых грешников, а как революционных борцов, не изменяющих своему знамени. И, как бы предвидя пред'явленный сегодня ультиматум, мы писали дословно в Заявлении:—

«*Требовать от революционеров этого отказа* (от политической деятельности, т. е. от. служения партии и международной революции) *могло бы только в конец развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты.*»

Я не могу ничего изменить в этих словах. Снова довожу их до сведения ЦКВКП и Исполкома Коминтерна, несущих полную ответственность за работу ГПУ.

Каждому свое. Вы хотите и дальше проводить внушения враждебных пролетариату классовых сил. Мы знаем наш долг. Мы выполним его до конца.

Л. Троцкий.

16 декабря 1928 г. Алма-Ата.

КОММУНИСТЫ И БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ

(Резолюция французской коммунистической оппозиции)

Прежде всего необходимо напомнить, что общий вопрос о сотрудничестве в буржуазной печати возник из того факта, что широкий слой хуже оплачиваемых журналистов, недовольный эксплоатацией, тяготеет к социалистической, отчасти и к коммунистической партии. Вынужденные в буржуазной печати приспособляться ко взглядам редакции и вкусам публики, такого рода элементы живут на два дома и вносят двойственность и прямое разложение в ряды пролетарских партий. Отсюда повелительная необходимость ограждать партию от засорения ее газетными наемниками буржуазии, которые, в силу своей гибкости и подвижности, легко захватывают в пролетарской партии ответственные посты, оттирая рабочих, а в трудную минуту неизбежно обнаруживают свою дряблость и предают дело пролетариата. Такова подлинная социальная основа

сотрудничества в буржуазной печати, так именно ставится вопрос.

Из этого, однако, вовсе не вытекает, будто можно или должно создать непроницаемые перегородки между партией пролетариата и буржуазной печатью при всех и всяких условиях. Из богатой истории прошлого достаточно привести на этот счет некоторые наиболее яркие факты. Маркс систематически писал для Нью-иоркской Трибуны. Энгельс давал ряд статей для буржуазных английских газет. Ленин написал статии о Марксе и марскизме для либерально-народнического энциклопедического словаря Граната. Троцкий, в согласии с Политбюро, написал в 1926 г. статью о Ленине для реакционной Британской Энциклопедии. Все эти случаи не имеют ничего общего с таким сотрудничеством в буржуазной печати, когда коммунист вынужден подделываться, притворяться, отрекаться от самого себя, или терпеть издевательства над своей партией, молчаливо подчиняясь редакции и сливаясь с ней.

На первых этапах революционного движения, особенно когда партия пролетариата еще не располагает своей собственной сильной печатью, сотрудничество марксистов в буржуазной печати, может стать политической необходимостью. Если, например, в Китае пребывание компартии в Гоминдане имело гибельные последствия для революции и партии, то правильно поставленное сотрудничество китайских коммунистов в лево-

гоминдановских органах могло бы иметь очень ценное пропагандистское значение.

То же самое следует сказать об Индии, где создание рабоче-крестьянских (по существу буржуазных) партий типа Гоминдана подготовляет жесточайшие поражения пролетариату. Между тем полная и безусловная независимость индийской коммунистической партии не исключает ни революционных соглашений с другими массовыми организациями, ни использования марксистами национально-демократических газет под контролем партии.

Каким образом разрешается эта проблема в нынешних европейских компартиях? Она выворочена на изнанку. Если сейчас коммунисты и не пишут в буржуазных изданиях, то буржуазные журналисты второго сорта сплошь да рядом руководят теперь коммунистическими изданиями. Это об'ясняется тем, что аппарат партии и печати, материально независимый от самой партии, чудовищно разростается на узкой партийно-организационной базе и не только дает занятие наличным коммунистам-журналистам, но и притягивает буржуазных журналистов, чаще всего газетные отбросы, не сделавшие карьеры в печати капитала. Этим об'ясняется, в частности, крайне низкий уровень коммунистической печати, беспринципность, отсутствие собственного мнения и достоинства, готовность в любой момент называть черное белым и наоборот.

В этом вопросе, как и в других, компартии Запада страдают не столько от тех трудностей,

которые свойственны революционной партии пролетариата в капиталистической стране, сколько от тех болезней,с которыми ВКП пришлось бороться лишь после завоевания власти (карьеризм, принятие покровительственной окраски, и пр.). Не имея власти, компартии Запада имеют болезни правящих партий, как отражение болезней, сталинизированной ВКП.

Оппозиция находится в совершенно исключительном положении. Оппозиция прямо и непосредсредственно представляет сейчас небольшое меньшинство рабочего класса. Она не имеет за своей спиной ни массовых организаций, ни государственных рессурсов. В то же время оппозиция располагает старым авторитетом в массах и идейным капиталом, ибо в состав оппозиции во всех странах входят те элементы, которые руководили Коминтерном в период первых четырех Конгрессов, а в Советской республике — те, которые вместе с Лениным создавали ее и руководили ею. От широких масс оппозиция отрезана механически сталинским аппаратом репрессий, использовавшим для этого победы мировой буржуазии над пролетариатом и давление новых собственников в СССР.

Если оставить в стороне отдельные двусмысленные выступления демократической и социал-демократической печати по поводу высылок оппозиции и пр.,если взять в целом оценку,данную буржуазной и мелко-буржуазной печатью борьбе между оппозицией,центризмом и правой,то картина совершенно ясна. Переводя, по своему обыкно-

вению, эту борьбу принципов на борьбу лиц, вся буржуазная печать говорит: Сталин *несомненно* прав против Троцкого, Рыков *повидимому* прав против Сталина. Мало того. Буржуазная печать в течении всех этих лет характеризовала оппозицию словами сталинской печати (грабеж мужика, восстановление военного коммунизма, стремление разжечь войну или вызвать революционные авантюры, отказ защищать СССР, наконец подготовка вооруженной борьбы против Советской власти). Притворяясь, что верит этой клевете, буржуазная печать искусно пользуется ею для борьбы против коммунизма в целом и оппозиции, как его наиболее решительного и непримиримого крыла. Десятки миллионов рабочих во всем мире воспринимают клевету сталинской фракции со страниц буржуазной и с. - д. печати.

Тесное сотрудничество сталинской фракции с мировой буржуазией и ее печатью в борьбе с оппозицией есть основной исторический факт. Это сотрудничество с особенной наглядностью проявилось в высылке т. Троцкого в Турцию и в соглашении Сталина с наиболее реакционными элементами германского правительства о недопущении Троцкого в Германию. Отметим тут же, что наиболее «левые» с. д. соглашаются (на словах) допустить т. Троцкого в Германию на условиях отказа его от политической деятельности, т. е. пред'являют ему то самое требование, которое Сталин через ГПУ пред'явил ему в Алма-Ата. Что касается Франции и Англии, то здесь Сталин и без соглашения не мог сомневаться в

помощи правительств и таких органов, как Temps и Times, категорически высказавшихся против допущения. Другими словами: у Сталина против оппозиции соглашение de jure с турецкой полицией и с частью германского правительства, и соглашение de facto с буржуазной полицией всего мира. Лозунг этого соглашения: *заткнуть оппозиции рот*. Буржуазная печать, каковы бы ни были отдельные эпизоды, в основном поддерживает и освящает это соглашение. Такова основная группировка сил. Только слепой может ее не видеть. Только оплаченный чиновник может ее отрицать.

Полному успеху этого единого фронта, имеющего целью обречь оппозицию на безмолвие, препятствует однако тот факт, что, как уже сказано, во главе оппозиции во многих странах, особенно же в СССР, стоят революционеры которых знают широкие трудящиеся массы, взглядами, политикой и судьбой которых эти массы искренне интересуются. К этому присоединяется элемент политической сенсации, вызываемый драматическими формами борьбы против оппозиции. Эти обстоятельства открывают в известные моменты для оппозиции эпизодическую возможность прорыва единого фронта сталинской и буржуазной печати. Так, высылка т. Троцкого дала ему возможность на страницах буржуазной печати, в миллионах экземпляров, заявить, что оппозиция борется против сталинского национал-социализма за дело международной революции; что оппозиия будет в первых рядах обороны СССР,

от классовых врагов; что обвинение в подготовке вооруженного восстания против Советской власти или в подготовке террористических покушений есть подлая бонапартистская махинация.

Было бы, разумеется, абсурдом утверждать, что оппозиция сможет хотя бы раз изложить свои действительные взгляды на страницах буржуазной печати. Но крупнейшим завоеванием является уже то, что удалось в десятках миллионов экземплярах опровергнуть наиболее отравленную термидорианскую ложь и тем толкнуть известную часть рабочих-читателей на путь ознакомления с подлинными взглядами оппозиции. Отказаться от такой исключительной возможности было бы смешным и жалким доктринерством. Обвинение в сотрудничестве в буржуазной печати звучит не только непристойно, но прямо таки глупо в устах тех господ, которые передают оппозиционеров в руки буржуазной полиции.

* * *

Незачем повторять и пояснять, что для оппозиции сейчас важнее чем когда-либо создавать, укреплять и развивать свою собственную печать; ставить эту печать не только в самую тесную связь с революционным авангардом рабочего класса, но и в организационно-финансовую зависимость от него. Нельзя допускать здесь и тени нравов и приемов социал-демократической и оффициозной сталинской печати, где вопрос решается гонораром и соображениями карьеры. Необходимо стро-

жайшим образом проверять революционную преданность и идейную выдержанность руководителей и сотрудников оппозиционной печати.

Отдельные выступления в буржуазной печати, могущие иметь, по самой своей сущности, лишь эпизодическое и подчиненное значение, должны быть поставлены под строгий контроль оппозиции, организованной в национальном и интернациональном масштабе. Такого рода организация составляет сейчас центральную задачу момента. Только при ее разрешении можно серьезно говорить о спасении Коминтерна, разлагаемого центристами и правыми, о возрождениии и укреплении его под знаменем Маркса и Ленина.

— * * * —

ПИСЬМО РАБОЧИМ С. С. С. Р.

Дорогие товарищи!

Я пишу вам, чтобы сказать вам еще раз, что Сталины, Ярославские и братия вас обманывают. Вам говорят, что я обратился к буржуазной прессе, чтобы вести борьбу против Советской Республики, в создании и в защите которой я работал рука об руку с Лениным. Вас обманывают. Я обратился к буржуазной прессе для того, чтобы защищать интересы Советской Республики против лжи, коварства и вероломства Сталина и К-о.

Вас призывают осуждать мои статьи. Читали ли вы их? Нет, вы их не читали. Вам дают ложный, поддельный перевод отдельных небольших отрывков. Статьи мои вышли на русском языке отдельной брошюрой в том самом виде, в каком я их написал. Потребуйте, чтоб Сталин их перепечатал без сокращений и подделок! Он не посмеет. Он больше всего боится правды. Здесь я хочу изложить основное содержание моих статей.

1. В постановлении ГПУ о моей высылке говорится, что я руковожу «подготовкой вооруженной борьбы против Советской Республики». В «Правде» слова о вооруженной борьбе были выпущены. Почему? Почему Сталин не решился в «Правде» (№ 41 от 19 февраля 1929 г.) повторить то, что сказано в постановлении ГПУ. Потому что он знал, что ему никто не поверит. После истории с врангелевским офицером, после разоблачения агента-провокатора, подосланного Сталиным к оппозиционерам с предложением военного заговора, после всего этого никто не поверит, что большевики-ленинцы, желающие убедить партию в правоте своих взглядов, готовят вооруженную борьбу. Вот почему Сталин не посмел напечатать в «Правде» то, что сказано в постановлении ГПУ от 18-го января. Но зачем же в таком случае было вносить эту явную ложь в постановление ГПУ? Не для СССР, а для Европы, и для всего мира. Через агентство ТАСС Сталин систематически каждодневно сотрудничает в буржуазной печати всего мира, распространяя свою клевету против большевиков-ленинцев. Сталин не мог иначе об'яснить высылку и бесчисленные аресты, как указанием на подготовку оппозицией вооруженной борьбы. Этой чудовищной ложью он причинял величайший вред Советской Республике. Вся буржуазная печать говорила о том, что Троцкий, Раковский, Смилга, Радек, И. Н. Смирнов, Белобородов, Муралов, Мрачковский и многие другие, которые строили Республику и защищали ее, теперь готовят вооруженную борь-

бу против Советской власти. Ясно, до какой степени такая мысль должна ослаблять Советскую Республику в глазах всего мира! Чтоб оправдать репрессии, Сталин вынужден создавать чудовищные легенды, наносящие неисчислимый вред Советской власти. Вот почему я считал необходимым выступить в буржуазной прессе и сказать на весь мир: неправда, будто оппозиция собирается вести вооруженную борьбу с Советской властью. Оппозиция вела и будет вести беспощадную борьбу за Советскую власть со всеми ее врагами. Это мое заявление напечатано в десятках миллионов экземпляров на языках всего мира. Оно служит упрочению Советской Республики. Сталин хочет усилить свое положение, ослабляя Советскую Республику. Я хочу усилить Советскую Республику, разоблачая ложь сталинцев.

2. Сталин и его печать давно уже распространяют во всем мире весть, будто я заявил, что Советская Республика стала буржуазным государством, что пролетарская власть погибла и пр. В России многие рабочие знают, что это злостная клевета, что она основана на поддельных цитатах. Я разоблачал эту подделку десятки раз в письмах, которые передавались из рук в руки. Но мировая буржуазная печать верит этому или притворяется, что верит. Все поддельные сталинские цитаты гуляют по столбцам газет всего мира, кака доказательство того, будто Троцкий признал неизбежность гибели Советской власти. Благодаря огромному интересу мирового

общественного мнения, прежде всего широких народных масс, к тому, что творится в Советской Республике, буржуазные газеты, побуждаемые своими рыночными интересами, заботой о тираже, давлением читателей, оказались вынуждены напечатать мои статьи. В этих статьях я сказал на весь мир, что Советская власть, несмотря на неправильную политику сталинского руководства, имеет глубочайшие корни в массах, очень сильна и переживет своих врагов.

Не надо забывать, что подавляющее большинство рабочих в Европе, особенно в Америке, все еще питаются буржуазной печатью. Я поставил условием, чтобы статьи мои были напечатаны без каких бы то ни было изменений. Правда, отдельные газеты в некоторых странах нарушили это условие, но большинство выполнило его. Во всяком случае все газеты оказались вынужденными напечатать, что, вопреки лжи и клевете сталинцев, Троцкий убежден в глубокой внутренней силе советского режима и твердо верит, что рабочим удастся мирными средствами изменить нынешнюю ложную политику ЦК.

Весною 1917 года Ленин, запертый в швейцарской клетке, воспользовался «пломбированным» вагоном Гогенцоллерна для того, чтобы дорваться до русских рабочих. Шовинистическая печать травила Ильича, называя его не иначе, как немецкий наемник и Herr Ленин. Запертый термидорианцами в клетку Константинополя, я воспользовался пломбированным вагоном буржуазной печати, чтобы сказать всему миру прав-

ду. Глупая в своей разнузданности травля сталинцев против «мистера Троцкого» представляет собою только повторение буржуазной и эсеровской травли против «Herr'а Ленина». Вместе с Ильичем я со спокойным презрением отношусь к общественному мнению мещан и чиновников, душу которых выражает Сталин.

3. Я рассказал в своих статьях, искаженных и фальсифицированных Ярославским, как, почему и при каких условиях меня выслали из СССР. Сталинцы распространяют в европейской печати слух о том, будто меня отпустили заграницу по моему ходатайству. Я разоблачил и эту ложь. Я рассказал, что меня выслали заграницу насильственно, путем предварительнаго соглашения Сталина с турецкой полицией. И здесь я действовал не только в интересах ограждения себя лично от клеветы, но прежде всего в интересах Советской ской Республики. Если бы оппозиционеры стремились покидать пределы Советского Союза, это было бы понято всем миром так, будто мы считаем положение советского правительства безнадежным. Между тем этого нет и в помине. Сталинская политика нанесла страшные удары не только китайской революціи, английскому рабочему движению и всему Коминтерну, но и внутренней устойчивости советского режима. Это бесспорно. Однако, дело отнюдь не безнадежно. Оппозиция ни в каком случае не собирается бежать из Советской Республики. Я категорически отказался ехать заграницу, предлагая заключить

меня в тюрьму. Сталинцы не посмели прибегнуть к этому средству, они боялись, что рабочие будут настойчиво добиваться освобождения. Они предпочли сговориться с турецкой полицией и водворили меня принудительно в Константинополе. Это я изложил всему миру. Всякий мыслящий рабочий скажет, что если Сталин через ТАСС кормит повседневно буржуазную прессу клеветой против оппозиции, то я обязан был выступить, чтоб опровергнуть эту клевету.

4. В десятках миллионов экземпляров я рассказал всему миру, что меня изгнали не русские рабочие, не русские крестьяне, не советские красноармейцы, не те, с которыми мы завоевывали власть и сражались плечом к плечу на всех фронтах гражданской войны, — меня изгнали аппаратчики, прибравшие к своим рукам власть, превратившиеся в бюрократическую касту, которая связана круговой порукой. Чтоб защитить Октябрьскую революцию, Советскую Республику и революционное имя большевиков-ленинцев, я на весь мир сказал правду о Сталине и сталинцах. Я еще раз напомнил, что Ленин в своем зрело обдуманном «Завещании» назвал Сталина *нелойяльным*. Это слово понятно на всех языках мира. Оно означает недобросовестного или нечестного человека, который в своих действиях руководится дурными побуждениями, человека, которому нельзя доверять. Вот как Ленин охарактеризовал Сталина, и мы снова видим, насколько правильно было предупрежде-

ние Ленина. Нет большего преступления для революционера, как обманывать свою партию, отравлять ложью сознание рабочего класса. Между тем в этом состоит главное занятие Сталина. Он обманывает Коминтерн и мировой рабочий класс, приписывая оппозиции контр-революционные намерения и действия в отношении Советской власти. Именно за внутреннюю склонность к такому образу действий Ленин и назвал Сталина нелойяльным, именно поэтому он и предлагал парти снять Сталина с его поста. Тем более необходимо теперь, после всего, что произошло, раз'яснить пред лицом всего мира, в чем выразилась нелойяльность, т. е. недобросовестность и нечестность Сталина в отношении оппозиции.

5. Клеветники (Ярославский и другие агенты Сталина) поднимают шум по поводу американских долларов. Вряд ли стоило бы при других условиях нагибаться к этому мусору. Но наиболее злобная буржуазная пресса с удовольствием размазывает грязь Ярославского. Чтоб не оставлять ничего в неясности, я скажу поэтому и о долларах.

Свои статьи я передал газетному американскому агентству в Париже. Такого рода агентствам и Ленин и я десятки раз давали интервью и письменные изложения наших взглядов на те или другие вопросы. Благодаря моей высылке и ее таинственной обстановке, интерес к этому делу во всем мире был колоссальный. Агентство рассчитывало на хорошие барыши. Оно мне пред-

ложило половину дохода. Я ему ответил, что я лично не возьму ни одного гроша, но что агентство должно будет передать по моему указанию половину своего дохода с моих статей, и что на эти деньги я издам на русском языке и на иностранных языках целый ряд сочинений Ленина (его речи, статьи, письма), которые запрещены в Советской Республике сталинской цензурой. Равным образом, я издам на эти деньги целый ряд важнейших партийных документов (протоколы конференций, с'ездов, письма, статьи и проч.), которые скрываются от партии только потому, что они наглядно показывают теоретическую и политическую несостоятельность Сталина. Это и есть та «контр-революционная» (по словам Сталина и Ярославского) литература, которую я собираюсь издать. Точный отчет в израсходованных на это суммах будет в свое время опубликован. Всякий рабочий скажет, что неизмеримо лучше на деньги, полученные, в виде случайной дани, с буржуазии, издавать сочинения Ленина, чем на деньги, собранные с русских рабочих и крестьян, распространять клевету на большевиков-ленинцев. Не забывайте, товарищи: «Завещание» Ленина остается в СССР по-прежнему контр-революционным документом, за распространение которого арестуют и ссылают. И это не случайно. Сталин ведет борьбу против ленинизма в международном масштабе. Не осталось ни одной почти страны в мире, где бы во главе коммунистической партии сегодня стояли бы те революционеры, которые руководили этими пар-

тиями при Ленине. Почти все они исключены из Коммунистического Интернационала. Ленин руководил четырьмя первыми конгрессами Коминтерна. Вместе с Лениным я вырабатывал все основные документы Коминтерна. На IV-м конгрессе (1922 г.) Ленин разделил со мной пополам основной доклад о новой экономической политике и перспективах международной революции. После смерти Ленина почти все участники, во всяком случае, все без исключения *влиятельные* участники первых четырех конгрессов исключены из Коминтерна. Везде и всюду во главе компартий стоят новые, случайные люди, пришедшие вчера из лагеря противников и врагов. Чтоб вести антиленинкую политику, надо было первым делом свалить ленинское руководство. Сталин сделал это, опираясь на бюрократию, на новые мелко-буржуазные круги, на государственный аппарат, на ГПУ, на материальные средства государства. Это произведено не только в СССР, но и в Германии, во Франции, в Италии, в Бельгии, в Соединенных Штатах, в Скандинавии, словом, почти во всех странах без исключения. Только слепец может не понять смысл того факта, что ближайшие сотрудники и соратники Ленина в ВКП и во всем Коминтерне, все руководители компартий в первые трудные годы, все участники и руководители первых четырех конгрессов, почти поголовно сняты с постов, оклеветаны и исключены. Эта бешеная борьба с ленинским руководством нужна сталинцам для того, чтобы проводить антиленинскую политику.

Когда громили большевиков-ленинцев, то партию успокаивали тем, что она отныне будет монолитной. Вы знаете, что партия сейчас более расколота, чем когда бы то ни было. И это еще не конец. На сталинском пути спасения нет. Можно вести либо устряловскую, т. е. последовательно - термидорианскую политику, либо ленинскую. Центристская позиция Сталина неминуемо ведет к накоплению величайших хозяйственных и политических трудностей и к постоянному разгрому и разрушению партии.

Еще не поздно изменить курс. Надо круто менять политику и партийный режим в духе платформы оппозиции. Надо прекратить постыдное преследование лучших революционеров-ленинцев в ВКП и во всем мире. Надо восстановить ленинское руководство. Надо осудить и искоренить нелойяльные, т. е. недобросовестные и нечестные методы сталинского аппарата. Оппозиция всеми силами готова помочь пролетарскому ядру партии выполнить эту жизненную задачу. Бешеная травля, бесчестная клевета и государственные репрессии не могут омрачить наше отношение к Октябрьской революции или к международной партии Ленина. И той и другой мы остаемся верны до конца — в сталинских тюрьмах, ссылке и изгнании.

С большевистским приветом

Л. Троцкий.

Константинополь.

27 марта 1929 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства 5

Что и как произошло?

1. «C'est la marche des évènements» («Таков ход событий») 7
2. Высылка 16
3. Как могло это случиться? 25
4. Куда идет советская революци; 37
5. Вероятна ли смена Советов парламентской демократией? 47

Приложенія:

1. Письмо Л. Д. Троцкого перед высылкой 57
2. Коммунисты и буржуазная печать 66
3. «Письмо рабочим С.С.С.Р.» Л. Д. Троцкого 74

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

10p